

Лит. Россия, 1984, 6 апр

ХРАНИТСЯ В АРХИВЕ

Алексей СУРКОВ:

«Он был у нас заводилой»

Это было в начале 1926 года, когда мы встретились на конференции Ярославской ассоциации пролетарских писателей. Встретились люди, которые все сейчас живы, кроме Шуры Афиногенова. Встретились люди, из которых тогда «историческим» был только Юрий Либединский, у которого уже была «Неделя»¹. У Фадеева только обсыхали чернила на его «Разгроме», а у Афиногенова пока что была только большая охота стать хорошим драматургом. Его занесла к нам в Ярославль путевка, давшая ему в редактирование тогдашнюю комсомольскую губернскую газету «Северный комсомолец»².

Тогда мы все и встретились. Мне хотелось вспомнить об этом потому, что это было очень красиво и по-своему это была очень романтическая пора.

Шура Афиногенов жил у нас в Ярославле, когда мы книжечки выпускали просто так: набралось у людей листа два-три чего-то могущего быть напечатанным, и мы сначала уговаривали начальство, чтобы нам дали немного бумаги. Потом уговаривали художника-карикатуриста, чтобы он нарисовал. Потом мы шли по профсоюзам — текстильной промышленности, лакокрасочной. Мы шли по фабрикам, предварительно всучивая им тиражи своих творений, чтобы на эти деньги рассчитаться с типографией.

Я помню Шуру Афиногенова большим, долговязым, синеглазым. Это был никогда не унывающий и немного чудаковатый парень двадцати одного года. Пока он не уехал из Ярославля, он всегда был у нас, как гово-

рят, коноводом, заводилой. Мне пришлось принять у него редактирование «Северного комсомольца».

Когда я его встретил в 1928 году, сам перебравшись в Москву, это был не очень почтенный по возрасту, но уже довольно почтенный, ставшийся в ряде театров провинции драматург. Так до сентября 1941 года как-то близко друг от друга лежали дороги нашего дружбы в литературу.

С тех пор Саша Афиногенов сформировался таким, каким он для меня больше всего звучит в пьесах «Чудак», «Далекое», «Машенька». Мне кажется, что в этих трех пьесах он «настоящее» всего. Это очень хороший советский интеллигент, человек, ощущавший всеми порами кожи ту жизнь, которая вокруг него протекала, человек с очень честным и очень благородным отношением к той области литературы, которой он себя отдал.

...За все годы испытаний он пронес себя как настоящий талантливый советский драматург до последнего, так неожиданно, так свирепо пришедшего дня его жизни

Я Шуру Афиногенова видел живого в последний раз не то 3-го, не то 5 сентября 1941 года. Я вырвался из армии на три дня, приехал сюда в Москву и, как говорится, шепотом выкрикивал боль души, которую мы испытывали, отступив от западной границы.

И вот — не помню, в каком-то здании, где помещался тогда Информбюро³, мы сидели с Александром Николаевичем и разговаривали. На всю жизнь

К 80-летию со дня рождения А. Н. Афиногенова

4 апреля исполнилось бы 80 лет Александру Николаевичу Афиногенову (1904—1941) — писателю, стоявшему у истоков советской драматургии, принимавшему деятельное участие в литературной жизни своего времени и своим творчеством вписавшему яркую страницу в историю советской литературы и театра.

Его пьесы — пронинутый энтузиазмом социалистического строительства «Чудак», социально заостренные «Страх» и «Далекое», романтически воодушевленная «Салют, Испания!», лирическая «Машенька» — отразили поступательное развитие нового общества, на них воспитывалось не одно поколение советских людей. «Его пьесы хороши тем, — писал И. Федин, — что это хорошая литература, и он, будучи природным автором и человеком театра, был в основе своей литератором...»

Сегодня мы в некотором сокращении публикуем хранящуюся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР стенограмму выступления видного советского поэта и общественного деятеля А. А. Сурнова 22 марта 1954 года на вечере, посвященном А. Н. Афиногенову.

На снимке: А. АФИНОГЕНОВ выступает на Первом Всесоюзном съезде советских писателей.

осталось в моей памяти его лицо, его глубокие скорбные глаза, чувствовавшие все то нелегкое, что сейчас уже, спустя почти тринадцать лет, некоторые из нас забыли, то, сквозь что мы начинали свой четырехлетний путь к 9 мая 1945 года, к тому красивому небу, которое было в тот день над Москвой.

Эта встреча моя с ним была накануне того дня, когда ночь развертывала над Москвой страшную, суровую красоту очередных налетов, когда все небо полыхало прожекторными луча-

ми и золотыми отблесками снаряженных разрывов. Вот таким и запомнил я в последний раз Шуру Афиногенова.

29-го числа (октября. — А. З.) он погиб. Я был здесь, в Москве. На исходе дня налетели вражеские бомбардировщики и сбросили несколько бомб. Через два дня я узнал, что одна из этих бомб отняла у нас Шуру Афиногенова...

Было как-то непомерно горько, потому что гибель хороших людей, хороших по-настоящему, переживалась особенно тяжело.

Было очень горько, было тяжело, потому что Александр Николаевич стоял передо мною как человек какой-то очень большой внутренней душевной собранности.

В моей памяти Александр Николаевич навсегда останется... хорошим, душевным товарищем — это знают все, кто с ним соприкасался... — прекрасным драматургом, произведения которого нам надо еще и еще перечитать для того, чтобы не забывать некоторые из них восстановить на сцене. Ведь в пьесах Афиногенова до сих пор пульсирует живая кровь времени, в которых эти пьесы складывались. Из этих пьес живым лицом смотрит героическое прошитое нами время.

Мне хотелось бы как-то еще раз самому себе и нам всем напомнить: по-хозяйски ли мы распоряжаемся тем, что мы накопили за эти годы? Хотелось бы просто-напросто пожелать, чтобы в репертуаре наших театров, бедном, к сожалению, традицией восстановления советских пьес, доля Александра Николаевича не ограничивалась бы только по закону и по праву широко идущей пьесой «Машенька».

Мне кажется, что нашей драматургической молодежи, из которой некоторые у нас как-то «спирально» пошли, не вредно было бы поближе взглянуться в гражданскую драматургическую судьбу Афиногенова для того, чтобы перенести в свое сердце то хорошее чувство ответственности перед народом и перед будущим, которое пронес Александр Николаевич до последнего дня своей жизни на земле, которую он так бесконечно любил и которой так хорошо и верно служил своим талантом.

¹ Повесть Ю. Н. Либединского «Неделя» была написана в 1922 году.

² После окончания в 1924 году Коммунистического института журналистики в Москве А. Н. Афиногенов был направлен в Ярославль, где поимено редакторской и журналистской работы, принимал активное участие в деятельности местной ассоциации пролетарских писателей, став вскоре и ее председателем.

³ С начала войны А. Н. Афиногенов возглавлял литературный отдел Совинформбюро.

Публикация кандидата исторических наук
Андрея ЗАЙЦЕВА

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

